

ЕЩЕ РАЗ О ГИБЕЛИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Моск. правда - 1993 - 15 июля - с. 7.

Как о цветке неповторимом...

Комиссия Есенинского комитета Союза писателей по выяснению обстоятельств смерти С. А. Есенина провела в Институте мировой литературы РАН пресс-конференцию, на которой информировала журналистов о работе, проведенной комиссией за четыре года. Помимо исследователей, занимающихся биографией и творчеством великого русского поэта, на разных этапах деятельности комиссии для проведения различного рода исследований, экспертиз, архивных изысканий, следственных экспериментов были привлечены ведущие специалисты научно-исследовательских институтов судебной медицины Минздрава России и судебных экспертиз Минюста России, кафедры судебной медицины Московской медицинской академии имени И. М. Сеченова, бюро судебно-медицинских экспертиз разных ведомств, Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Кроме того, Есенинскому комитету была предоставлена возможность ознакомиться с рядом документов бывшего КГБ, касающихся Есенина, его родных и близких, литературного окружения поэта, а также по запросу была получена содержательная информация из Министерства безопасности России.

Работа комиссии с самого начала носила **открытый** характер, что специально подчеркивал Юрий Прокушев, председатель Есенинского комитета Союза писателей и комиссии по выяснению обстоятельств смерти поэта, руководитель научной есенинской группы ИМЛИ имени М. Горького. Официальные заключения об экспериментах и исследованиях, проведенных по просьбе комиссии государственными учреждениями и отдельными специалистами, другие материалы будут опубликованы в специальном научном сборнике, подготовка к печати которого уже начата.

Почему комиссии так важно довести до сведения широкой общественности то, что сделано

ею? Потому, что в последние годы широкое хождение в прессе, на телевидении, в кинодокументалистике получили многочисленные версии об убийстве поэта. В этих версиях очень многое строится на домыслах, потому так важно было восстановить частично поврежденный текст акта вскрытия тела Есенина, известный как Акт Гиляревского. Эксперт восстановил очень важные фразы Акта из его кусочков, хранившихся в отдельном конверте: «кости черепа целы» и «мозг весит 1920 грамм». Если кости черепа целы, значит, не было револьверного выстрела, как утверждает автор одной из версий. А другой автор публикации о Есенине, далекий от судебной медицины, на основании того, что в поврежденном акте оставались только слова «20 грамм» создал свою картину: череп был раздроблен, о чем, по мнению автора версии, свидетельствовало «20 грамм» вытекшего мозгового вещества. И таким, отдающим дурной сенсационностью версиям, не видно конца, хотя все судебно-медицинские экспертизы, которые ознакомились с полным текстом Акта Гиляревского, подтверждают соответствие описательной и заключительной частей акта вскрытия тела Есенина.

Здесь я хотела бы отойти от сухого языка протоколов, чтобы кратко охарактеризовать поведение присутствовавших на пресс-конференции некоторых литераторов, взвинченно, истерически, что называется, с порога отвергавших все доводы присутствовавших уважаемых экспертов. Было в этом почти что бесновании нечто незитичное по отношению к поэту, к его человеческой, благоуханной лирике. Когда литератор Топтыгин проорал свои дурные стихи об убийстве Есенина и стал криком кричать: вот вскрыем могилу и увидим, что череп продавлен! — это отдавало таким комплексом оголтелого гребобопательства, осквернительства милых могил, что оставалось только недоумевать, откуда столько злобы,

столько яду, какие вдруг почему-то должны приниматься за любовь, за поиски справедливости. Нет, истинно любящие Есенина помнят запечатленный его поэзией гуманный взгляд на природу, людей и самого себя: «Любимая с другим любимым, быть может, вспомнят обо мне как о цветке неповторимом». Чистое дело, право же, должно делаться чистыми помыслами, чистыми руками, чистое слово должно произноситься чистыми устами.

Кажется, в прошлом году я посмотрела фильм о Есенине «Меня должны убить...», одним из авторов которого выступала Наталья Сидорина, с экрана она излагала — достаточно спокойно и туманно — версию убийства поэта. Ныне в споре с экспертами, уличая их в противоречиях, Сидорина совершенно не контролировала свои эмоции. А эксперты утверждали, что в отличие от литераторов они, если не могут доказать что-то, не могут и написать это.

Посему вернемся к фактам, выявленным комиссией. В настоящее время фактически нет объективных данных, которые позволили бы усомниться, прежде всего с позиции судебной медицины, в точности содержания акта вскрытия тела С. А. Есенина и опровергнуть вывод судебно-медицинского эксперта А. Гиляревского от 29 декабря 1925 года о причине смерти поэта (смерть С. А. Есенина «последовала от асфиксии, произведенной сдавливанием дыхательных путей через повешение»). Проведенные официальные научные экспертизы и исследования (посмертных масок, фотографий поэта, Акта Гиляревского, документов предварительного дознания и др.) не дают каких-либо оснований для подтверждения «версий» об убийстве С. А. Есенина.

Одновременно комиссия заявляет, что в случае обнаружения каких-либо новых документальных данных, связанных со смертью С. А. Есенина, они будут незамедлительно рассмотрены и

изучены с сообщением об этом в печати.

Ю. Прокушев, комментируя официальный документ, высказал свою точку зрения: я никогда не считал, что Есенина убили. Было доведение до самоубийства. Вокруг поэта создавалась такая обстановка, что нельзя не удивляться, как он еще мог творить. Вторая смерть — выведение творчества Есенина на четверть века из духовной жизни общества — наступила после публикации «Злых заметок» Н. Бухарина.

Еще две версии были разбиты экспертизами рукописного экземпляра стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Одни высказывали сомнение в авторстве этого стихотворения, другие полагали, что стихотворение написано не кровью, а чернилами. Нет, написано кровью, и рука Есенина, более того, текст исполнен Есениным Сергеем Александровичем под влиянием необычных внутренних и внешних факторов, «сбивающих» привычный процесс письма и носящих временный характер.

И еще один факт выявился в процессе четырехлетней работы комиссии. Удалось на основании кадров документального фильма, снятого в гостинице «Англетер», вычислить высоту номера — не выше 3,25 метра, а не 4,5, как утверждалось прежде.

В старину говорили, что экспертизы — научные судьи фактов. Пресс-конференция в ИМЛИ показала, что растеряли многие из нас, а может, никогда и не обладали осмотрительностью, корректностью и готовностью хотя бы воспринять факты, которые почему-то не устраивают. Но ведь когда-то надо научиться факты воспринимать, пусть они и не нравятся. Это уже обладая всей суммой фактов, литератор, как Тютчев, может сказать: я начинаю там, где кончается документ. Но только тогда, не раньше.

Т. СЕРГЕЕВА.